

Борис ЛАСКИН

А Р Т И С Т

РАССКАЗ

В СЕ СЛУЧИЛОСЬ внезапно, как это чаще всего и бывает. Утром на репетиции Бармин вдруг почувствовал: его качнуло, и он ощутил мгновенное странное забытие. Минутой позже он объяснил это обыкновенной усталостью. Просто надо отдохнуть, походить на лыжах, и вообще отключиться.

Уверенно ведя машину, Бармин щелкнул зажигалкой и затянулся. Кстати, с куревом надо кончать. Вот скоро ему стукнет шестьдесят, и в этот день он скомкает пачку сигарет и мужественно выбросит ее. Навсегда.

Тинув окурки в пепельницу, он поморщился. Что-то кольнуло, и возникла ноющая боль. Видимо, печень. Как-то приехал рыжий доктор из «неотложки». Он удивился, когда узнал Бармина: «Оказывается, и комикки болеют». Сказал он это с единственной целью — завязать беседу. Ему было интересно. Сменится и дома расскажет жене: «Сегодня был вызов, как думаешь, к кому?».

Доктор из «неотложки» держался строго, и Бармину захотелось, чтобы он повеселел.

— Насколько я понимаю, в моей драме главное действующее лицо — печень, — сказал Бармин.

Доктор кивнул. Близоруко щурясь, он уже выписывал рецепт.

Бармин взглянул ему через плечо.

— Все понятно. Однотонно звенит алкохольчик...

Доктор засмеялся.

— Это надо запомнить. — Он покачал головой и, помедлив, сказал. — У меня к вам вопрос. Вы извините, но мне любопытно узнать, все, что вы исполняете, это вам другие пишут, или вы это сами сочиняете?..

— Увы. Не сам.

— Да? — в голосе доктора явственно прозвучало сожаление. — Но вот у меня, у моей супруги и вообще у многих создалось впечатление, что все, что вы произносите как артист, говорите именно вы, от своего лица.

Бармин улыбнулся.

— То, что вы сейчас сказали, — для меня высшая похвала. Меня мало радует, когда говорят, что я бережно донес авторский текст и мастерски исполнил фельетон или монолог. Так вот, я вам скажу, что работаю я с увлечением только тогда, когда мы с автором одинаково думаем, когда нас волнуют общие радости и печали...

ЗАПИСКА лежала на полу. Бармин поднял бумажку. Характерный Варин почерк, каждая буква отдельно. «Кеша! Я ушла развлекать Алешку. Обед на плите. Тебе остается только зажечь газ. После обеда обязательно отдохни. Звонил Александр Семенович, говорит, что у тебя усталый вид. Ц. В.».

Ц. В. — целую, Варя.

Пока на плите доходил до нужной кондиции грибной суп, Бармин просмотрел почту. Было несколько добрых писем от зрителей, среди них одно забавное. Человек ушел на пенсию и желает поделиться своим богатым запасом веселых житейских впечатлений: «Хочу развить среди окружающего населения моменты хорошего настроения». Бармин улыбнулся: у него с пенсионером общие творческие цели — развивать моменты хорошего настроения.

Была бы дома Варя, они поговорили бы о том, о сем, и затем Варя обязательно вышла бы на главную

тему, от которой, как от ствола, тянутся затейливые ветви. Начала бы она с того, что он себя совершенно не щадит и даже посторонние люди говорили ей, что лично видели, как он на протяжении одного спектакля меняет две, а то и три сорочки. Так нельзя. Это работа на износ. Он должен подумать о себе, о Вале, о Кольке, о Наташе, у которой есть муж Вадим и сын Алешка. Мальчику седьмой год, он того и гляди отвыкнет от мамы с папой, они с утра до вечера пропадают в театре, репетируют и играют, играют и репетируют...

Он бы терпеливо слушал и кивал, улыбаясь бы своей кроткой обезоруживающей улыбкой, а Варя, трагически воздевая руки к потолку, произносила бы знакомые слова: «Боже мой! У людей мужа как мужа». Почему мне так не повезло в жизни? Почему, когда я нахожусь рядом с тобой, мне кажется, что я включена в сеть высокого напряжения. Пойми же, я рассчитана на сто двадцать семь вольт, а меня включили на двести двадцать. Сколько это будет продолжаться?»

А может она права?

Началось это давно. Они уже сыграли серебряную свадьбу. До чего же они с Варей привыкли друг к другу. И то, что в их долгой жизни иной раз случались ссоры и было не все так уж благополучно, не отдаляло, а, как ни странно, еще больше сближало их. Кто-то из друзей однажды сказал: «На зеркально-гладкой дороге машина чувствует себя неуверенно, ей трудно управлять, а если дорога ровная, но при этом слегка шероховатая, — усиливается сцепление, машина на любой скорости проходит виражи, надежно тормозит и меньше рискует свалиться в кювет». Тогда же вспыхнула шумная и довольно бессмысленная дискуссия — кто машина и кто дорога, но, сколько мнений разделились, дискуссия так и осталась неоконченной.

Зазвонил телефон.

— Слушаю...

— Здравствуй, дед!

Бармин ответил преувеличенно сухим скрипучим фальцетом:

— Здравствуй, внучек! Как живешь-поживаешь?

— Отлично поживаю, — доложил Алешка, с готовностью включаясь в привычную игру, — а как ты себя чувствуешь? Ноют старые кости?

— И не говори.

— Бабушка мне читает «Винни-Пух».

— Это хорошо. Скажи, чтоб она запомнила содержание...

— Будет сделано, — сказал Алешка.

— Передаю трубку бабушке.

— Ну, как ты там? — спросила Варя.

— Нахожусь на заслуженном отдыхе, — ответил Бармин и вдруг почувствовал слабую глубинную вспышку боли.

— Ты чего молчишь?

— Я думаю, — ответил Бармин. «Надо бы налить грелку», — пронеслось в голове.

— Я думаю о странностях любви, — сказал Бармин. Боль все усиливалась. — Если я что-нибудь придумаю по этому вопросу, я вам позвоню. Привет!

Он положил трубку, но почти сразу же снова зазвонил телефон.

— Я весь внимание, уважаемый Винни-Пух...

В ответ раздался вежливый смехок.

— Это не Винни-Пух. Говорит Юрий Ильич. Вы, вероятно, отдыхаете, Викентий Романович. Не стану мешать. Я только хочу напомнить, мы вас сегодня ждем.

— Да, да, конечно. Обязательно...

Бармин положил трубку. Он совсем забыл. Если приступ не состоится и все пройдет, он заедет и, конечно, выступит. А если ему станет хуже?

ОН НАПИСАЛ записку: «Варя! Я срочно уехал. Не волнуйся, все будет в порядке. Ц. В.»

Ц. В. — целую, Викентий.

Он положил записку на пол. Варя вернется, сразу же ее увидит, прочтет и, конечно, начнет волноваться.

Ничего! Он позвонит из больницы и скажет: «Варя! Угадай, откуда я говорю?» Она, разумеется, не угадает. Тогда он спокойно, и, если удастся, небрежно, вроде бы между прочим, скажет: «Значит, так. Случился небольшой приступ лечения. Я позвонил, и, можешь представить, приехал один мой знакомый. Помнишь рыжего симпатичного доктора из «неотложки»? Его фамилия Зайцев. Он приехал в машине «перевозка больных». Но это не потому, что я такой уж больной. Я тебе завтра звякну, и ты сюда прикатишь, мы поговорим, погуляем...»

Варя это выслушает, но не поверит, что все обстоит именно так.

Бармин лежал одетый, прикрытый одеялом. Машина шла не быстро, за окнами проплывали фонари, огни светофоров.

Доктор Зайцев сидел рядом на откидном стульчике.

— Зачем мы едем в больницу? — спросил Бармин.

— Так уж и быть, скажу. Не хотел, правда, говорить, но разве от вас скроюсь. Мы едем с вами заниматься фигурным катанием.

Некоторое время Бармин лежал молча, воскрешая в памяти события минувшего вечера. И тогда он вспомнил телефонный звонок Юрия Ильича. Как же ему быть? Его же сегодня ждут на праздничном вечере в театре. Это его любимый театр. Мальчишкой он бегал туда на все спектакли. В школе театра учились и Наташа, и Колька. Дети пошли по стопам отца. Он дал слово сегодня выступить.

У него уже созрело решение, и он лихорадочно думал о том, как бы не озадачить милейшего доктора своей просьбой, которая ему безусловно покажется легкомысленной и нелепой.

Бармин взглянул на ручные часы.

— Десять сорок пять, — подсказал Зайцев.

— Доктор!.. Я... Я расскажу вам занятую историю, — приподнявшись и отираясь на локоть, торопливо начал

Бармин. — Два года назад мы с театром были в Будапеште, венгры понимают толк в юморе... И вот после пятого или шестого спектакля я заболел и не успел оглянуться как меня уложили в клинику. Провел я там неделю, почувствовал себя лучше, вот примерно, как

сейчас... А я дал обещание выступить по телевидению, и тут как раз за мной приехали с телевидения... Я начал свое выступление так... Я сказал: «Дорогие друзья! У меня к вам большая просьба, не проговоритесь доктору Гидашу, что я сегодня выступаю. А то мне от него здорово нагорит!..» И представляете себе, когда я через три дня выписался из клиники, люди, которые меня укладывали на улицах Будапешта, прикладывали палец к губам и улыбались. Я понял, что они обещали мне сохранить тайну...

Зайцев слушал с интересом, одобрителем покачивая головой, и Бармин подумал: «Все. Вполне достаточно. Он уже морально подготовлен».

— Действительно, занятая история, — сказал Зайцев и нахмурился. — Вы почему сели? Вам что, неудобно лежать?

— Доктор! Прошу вас, вы меня только, пожалуйста, не перебивайте!.. Попросите водителя остановить машину, не доезжая перекрестка. Я должен выйти максимум на десять минут!

— Что?!

— Если хотите, вы можете меня сопровождать как врач.

— Вы, наверно, шутите?

Водитель затормозил и остановил машину у тротуара.

— А что случилось? Больному плохо стало?

— Мы сейчас вернемся с доктором, — Бармин благодарно пожал руку Зайцеву и вышел из машины. Зайцев шествовал следом за ним. — Доктор! Не смотрите на меня так сурово. Я в полном порядке!..

Они вошли в подъезд театра, впереди Бармин и за ним Зайцев. Изумление все еще не покинуло его. Он шел и прикидывал, что в случае чего он скажет: «Мы задержались по просьбе больного. Очень уважаемый человек».

Оставшись в одиночестве, водитель закурил и включил транзистор «Сокол». Он покрутил ручку настройки и услышал аплодисменты.

...Примерно минут через пятнадцать возвратились оба его пассажира.

Больной улегся на койку, а доктор бережно прикрыл его одеялом и опустился на свой стульчик.

— Поехали! — скомандовал Зайцев.

— Вы многое потеряли, — сказал водитель. — По радио концерт передавали. Артист выступил просто-таки замечательно. Такой грохот стоял! А он почему-то больше не вышел. Небось, зазнался. Или на другой концерт убер...

— Возможно, — сказал Зайцев и заговорщицки похлопал на Бармина. А Бармин вытер платком лоб и зажмурился, боясь, как бы доктор не догадался, что ему снова напомнила о себе глухая боль.

— Как мы себя чувствуем? — бойко, с несвойственной ему интонацией спросил Зайцев.

— Хорошо! — коротко ответил Бармин.

Машина выехала на Арбат и прибавила скорость. Свет фонарей ритмично, как удары пульса, выхватывал из полутьмы лицо молодого и, судя по улыбке, очень счастливого человека.